

2

Магнитный остров

Для большинства людей детство — прежде всего климат. Мое детство — это абсолютная жара, влажность и голубое небо над головой. В памяти осталось лишь то, что чувствовалось кожей, и еще прохладные ночи в тропической саванне. Я родился в Австралии, Северном Квинсленде, Таунсвилле — там, где деревья и кустарники спускаются к морю и открывается вид на Магнитный остров. Летом начинался сезон дождей, и мы всегда были готовы к наводнениям. Вообще говоря, там замечательно. Подобная жара пропитывает тебя до костей и уже навсегда остается с тобою.

Обитатели Таунсвилла жили в пригородных домиках, и для многих уже сбылась их «австралийская мечта» — они обзавелись домиком и машиной. В конце 1960-х годов неподалеку от города располагалась военная база. Население Таунсвилла составляло около 80 тысяч человек, а местную экономику представляли производство шерсти и сахара, добыча ископаемых и рубка древесины. По какой-то не очень понятной мне причине в городе проживало довольно много итальянцев, в основном работавших на фермах сахарного тростника. Я хорошо помню то состояние общности и тесной сплоченности, отличавшее их среду. Итальянский язык стал у нас вторым по распространенности. Догадываюсь, что во многих отношениях наш город сохранял полную приверженность традициям — под нескончаемым потоком

солнечного света в нем жили и скучали тихие, трудолюбивые люди. Таунсвилл можно назвать отдаленной провинцией в стране, которая сама по себе считалась отдаленной провинцией мира. Примерно так казалось поколению моей матери, которая уже в 1970 году мечтала повидать мир или хотя бы увидеть, как он меняется.

В тот год Кристина — живая, яркая и творческая девушка, любившая рисовать, — купила мотоцикл. Матери так надоели серые школьные будни, что, как только ей исполнилось восемнадцать, она оседлала свой байк и умчалась в Сидней, за три с лишним тысячи километров от дома. И все-таки Кристина была деревенской девушкой; потом она рассказывала мне, насколько сильно большой город давил на нее. Однако ее ожидала новая жизнь, полная неожиданностей. Однажды на углу Оксфорд-стрит и Гленмор-роуд в районе Паддингтона, рядом с армейскими казармами, она встретила массовую демонстрацию против войны во Вьетнаме; и неожиданно возникшая живая картинка современной истории не прошла мимо ее сознания. Мать не особенно поняла, о чем идет речь, но мощный эмоциональный поток воодушевленных людей ее захватил и увлек. Она навсегда запомнила, как у самого ее уха прозвучал мягкий голос. Его обладателем оказался двадцатисемилетний интеллигентный парень, носивший усы. Он спросил, пришел ли с ней кто-то еще, и, когда она ответила «нет», он взял ее за руку.

Около шестидесяти тысяч австралийцев ушло на вьетнамскую войну, которая стала в истории Австралии самым долгим вооруженным конфликтом. Было убито пятьсот человек и ранено три тысячи. Высший подъем антивоенного движения отмечался в Австралии как раз в мае 1970 года, когда познакомились мои родители. На митинги в крупных городах вышло около двухсот тысяч человек. Некоторых даже арестовывали за раздачу листовок — по тогдашним законам это запрещалось. В Австралии за семидесять лет закрепилось название «протестное десятилетие» (в 1973 году в Сиднее прошел гей-парад), и мои родители — юная творческая девушка и вошедший в ее жизнь интеллигентный парень с митинга — превратились в закаленных демонстрантов. В таком развитии

событий есть даже нечто театральное: в консервативном обществе зазвучали новые голоса. Полагаю, нонконформизм я впитал с молоком матери, так как довольно рано понял: единственная настоящая страсть, придающая смысл твоей жизни, — чувство протеста. Уверен, что в такой атмосфере я и был зачат.

Вернувшись в Таунсвилл, 3 июля 1971 года мать поехала в больницу «Базель», где примерно в три часа дня я и родился. Мать говорит, что был я кругленьким, шумным, темноволосым и похожим на эскимоса.

Не побоюсь признаться, что у моей матери Кристины есть и всегда была естественная склонность: выслушивать других и тут же поступать иначе — вскоре и я подхватил эту привычку. Моя бабушка вспоминает, каким мечтательным и всему удивляющимся ребенком я рос; не мне с ней спорить, хотя, скорее всего, уже в раннем возрасте я мечтательно изумлялся происходящему на военной базе Таунсвилла. Так или иначе, моя бабушка укачивала меня под навязчивые мелодии греческих песен Марии Фарандури, и я успокаивался. Когда мне было всего несколько месяцев, мы с матерью переехали в коттедж на Магнитном острове, в дом, окруженный эвкалиптовыми и манговыми деревьями.

Простите мне эти прустовские отступления, но, думаю, благодаря материнскому влиянию я вырос законченным сенсуалистом, перед моим мысленным взором до сих пор всплывают многочисленные пестрые шарфы, которыми мать занавешивала плетеную колыбель. Через них проникал свет, рисовавший узоры на моих руках и ногах. Когда я немного подрос, она стала брать меня с собой в слинге, а позже — в рюкзаке, я нежно любил его и называл «юксак». Раннее детство, думаю, очень важно. Именно тогда зарождается на всю жизнь наша способность удивляться. Моя мать, наделенная особым даром любви, обладала талантом делать жизнь гораздо интереснее, чем та была на самом деле. И не стоит этого недооценивать, ведь некоторые родители умудряются внушать своим детям скуку еще до того, как открывают рот. Вероятно, свое

воздействие на детскую душу оказывал и сам Магнитный остров — пропитанный свободой, прекрасный райский уголок, населенный людьми, которые больше нигде на земле не нашли подобного места. В те времена там обосновалось около тысячи человек; скорее всего, это была ныне забытая коммуна хиппи. И я не могу списать со счета влияние ее атмосферы, расслабленной от наркотиков и от буйной природы. Представьте себе ребенка, растущего исключительно среди араукарий и капустных пальм, конечно, он будет висеть и раскачиваться на них, подражая зверушкам. Какая-то частица Магнитного острова навсегда осталась со мной.

Моим первым словом было «почему». Оно же стало и любимым. Мне совсем не нравилось сидеть в манеже, но я полюбил книги, хранящиеся в нем матерью. Так я научился читать: сначала освоил книжки Ladybird, затем пошли рассказы про Тарзана, сказки Доктора Сьюза и «Скотный двор»*. С самого начала моей жизни меня постоянно перевозили, но Магнитный остров — так его назвал Джеймс Кук, которому показалось, что остров мешает работе компасов, — оставался местом, куда мы всегда возвращались. Мне исполнилось два года, когда мама встретила парня из бродячей труппы, музыканта по имени Бретт Ассанж, и он стал мне хорошим отчимом. Довольно много времени наша семья проводила на свежем воздухе. Каждый день мы купались, а потом я рыбачил с дедушкой на реке Сэндон и Акульем пляже. Помню, как мы с матерью мчались по холмам на мотоцикле и я протягивал руки к деревьям, пытаюсь сорвать свисавшие над головой фрукты. Мы селились то в одном, то в другом месте, что всегда возбуждало во мне ощущение новых открытий, и без усталости, не закрывая рта я забрасывал взрослых вопросами. А родители никогда не увиливали от моих «почему, зачем и откуда». Они выкладывали мне все версии и предоставляли всё решать самому.

* Ladybird — британское издательство, выпускающее развивающие книжки-игрушки для малышей; Тарзан — герой романов американского писателя Эдгара Берроуза; Доктор Сьюз — псевдоним Теодора Гейзеля, американского детского писателя и мультипликатора; «Скотный двор» — повесть-притча английского писателя Джорджа Оруэлла.

К пяти годам я уже успел пожить во множестве домов. Жизнь в Северном Квинсленде казалась мне непрерывным пиршеством передвижения, и вне этого воздуха странствий и любознательности я уже не мог ни жить, ни дышать. Моя мать не была профессиональной активисткой, но осознавала необходимость перемен. На какое-то время мы поселились в Аделаиде и обходили дома, собирая подписи за прекращение добычи урана. Как правило, рыбацкие сети становились смертельной ловушкой для дельфинов, и мы в знак протеста отказались питаться тунцом; а затем, когда все-таки удалось изменить практику рыбной ловли, мы гордились, что внесли свой вклад в это дело. Когда мы жили в Лисморе, мать на четыре дня попала в тюрьму за протесты против вырубки тропических лесов. Все это довольно ненавязчиво обеспечивало мне прочное образование в искусстве политического убеждения. Наша семья всегда остро понимала, что перемены возможны.

Иногда я проявлял жестокость. Дни моего детства в чем-то напоминали эпизоды из «Тома Сойера». С утра до вечера находясь на открытом воздухе, я учился справляться с окружающей меня природой и преодолевать разные препятствия. Часто, вооружившись нежно любимой лупой, я бродил в зарослях кустарника. Непримируемая вражда царила между мной и сахарными муравьями: они строем пересекали тропинку, а я их безжалостно сжигал своей линзой, тогда оставшиеся в живых забирались в штаны и кусали мне ноги. Еще хуже были муравьи-портные, распространенные в лесах и низинах Австралии. Они не только кусались, но и впрыскивали в рану едкую жидкость из своего брюшка. Муравьи водились самых разных видов, и ни один из них, на мой детский взгляд, не мог спастись от моего увеличительного стекла. Мне казалось естественным наказывать их за враждебные действия, прибегая к самой солнечной силе. О войне между пятилетними мальчиками и муравьями складывают легенды.

Нашей семье приходилось сталкиваться с настоящей жестокостью. Родители путешествовали с небольшой бродячей труппой, устраивали кукольные представления, разыгрывали разные

сценки. Наверное, кому-то такая жизнь могла бы показаться богемной. Мать с отчимом протестовали против войны и участвовали в демонстрациях. Они приезжали в разные города и покидали их. В глазах жителей Квинсленда, никак не принадлежавших к среде хиппи, мои родители выглядели людьми искушенными. Мать сама оформляла сцену, выходила играть, вместе с мужем делала декорации и читала книги. Кое-кто считал, что подобным образом жить не положено, — так я впервые столкнулся с человеческими пред-
рассудками. Однажды мы вернулись на Магнитный остров и сняли дом среди холмов. От жары воздух был вязкий, а люди все — сонные. В Австралии, да и в других странах, атмосферный воздух — очень важный фактор, влияющий не только на физическое, но и на умственное состояние населения. И когда я вспоминаю нашу жизнь в том доме на острове, я думаю, что человеческая ограниченность во многом обусловлена климатическими условиями. Некоторые наши соседи были именно такими ограниченными людьми, и особенно их задевали взгляды моих родителей на свободу.

В ванную комнату повадились заползать змеи, и на этот случай мы держали наготове ружье. Однажды, поднимаясь на холм, мы увидели, что наш дом горит. Около двадцати местных жителей стояли вокруг и наблюдали, как пламя лижет веранду. Никто не пытался затушить огонь. И вдруг патроны, хранившиеся в доме, начали взрываться. Один из соседей засмеялся и сказал в наш адрес, что мы не выдержали жары. Это было ужасно подло. Пожарная бригада приехала только через сорок минут. Во многих смыслах именно тот пожар стал моим первым, очень важным и сложным детским воспоминанием. Из раннего детства я помню огни, краски и разные происшествия, но здесь было нечто иное: речь шла о таких темных сторонах человеческой природы, которые еще долго будут поражать меня. Местные жители, казалось, даже испытывали некоторое удовлетворение от пожара, находя в нем заслуженную кару за наши претензии. Я увидел — возможно, впервые в жизни, — как люди, обладающие даже небольшой властью, могут тянуть время ради самоутверждения и как

бюрократия превращает человеческое сердце в камень. Они как будто сознательно позволили природной стихии действовать своим чередом, но в этом было что-то дьявольское.

Такова была муниципальная власть. И осознание принципов ее устройства запустило во мне какие-то процессы. Наверное, легкомысленно искать источники своего характера в событиях прошлого, правда, это может быть простительно журналисту и совершенно необходимо тому, кто пишет автобиографию. С раннего возраста я интересовался, как все работает. Лишь только мне позволили взять в руки инструмент, я начал разбирать двигатели. Строить плоты. Обожаю конструктор Lego. В шесть лет я попытался собрать примитивный металлоискатель. Вот мои самые первые впечатления от мира: он казался местом, где можно добиваться результата; проявлять пытливість ума; создавать что-то новое.

Еще в раннем возрасте я понял, что у всех этих дел есть и социальный аспект. Я сколотил свою шайку ребят — вместе проще добиваться задуманного и при этом весело проводить время. Мы собирались в крупном, выведенном из эксплуатации сланцевом карьере. В его заброшенной шахте остались крытые навесы для хранения оборудования, транспортные средства, техпаспорта, журналы регистраций и даже детали взрывных устройств. Мы часто навещали туда, поскольку считали шахту своей территорией — местом, где мы могли существовать автономно от любой власти. Скалы и заброшенные постройки кишели юркими исполинскими ящерицами — их еще называют синезычкими сцинками, — иногда нам попадались кенгуру-валлаби. Карьер был окружен бамбуковыми зарослями, и иногда я самостоятельно отправлялся побродить между толстыми полыми стволами. Помню, как в один очень жаркий день я пробирался к самому центру леса. Я чувствовал себя одиноким, но полным сил и, когда все-таки добрался до цели, достал нож и вырезал свое имя на толстом обрубке ствола. Около восьми лет назад я вернулся туда и был удивлен, насколько легко, оказывается, передвигаться через бамбуковый лес, но от этого мои воспоминания отнюдь не потускнели. В моей памяти детство осталось как что-то

весьма значительное, полное ярких впечатлений, и, думаю, мое стремление срывать покровы с глубоко спрятанных тайн нашего мира отчасти проистекает из тех первых путешествий и поисков.

В общей сложности я посещал более тридцати школ. Такова была наша жизнь, в которой постоянство выражалось в стиле и ценностях, а не в том, чтобы парковать машину в одном и том же месте или вовремя возвращать долги. Позже такое бродячее существование приобрело более истеричный характер, и мы с матерью стали похожи на беглецов. Но вначале все казалось восхитительным, а главное — давало мне ощущение, что я в состоянии справиться с любыми проблемами. Насколько я помню, мы с мамой и Бреттом без страха шли навстречу новым приключениям. У меня было счастливое детство, и огромную роль в этом сыграли радость открытий и уверенность, что правила нужны ради того, чтобы их нарушать.

Мне и моим друзьям, из которых я собирал ватаги, не была чужда некоторая детская мудрость, но и предрассудков нам тоже хватало. В какой-то момент мы вдруг решили, что итальянцы — наши враги. Многие из них непременно асфальтировали пространство вокруг своих домов. Они покупали дом с цветущими яркими бугенвиллеями, тут же выкапывали их, вычищая все, асфальтировали сад и устанавливали там дорические колонны. Сегодня мне стыдно за себя, но тогда я выступал против этой привычки, и моя борьба казалась мне важным делом. Наверное, я был из тех детей, которые вечно ищут, против чего бы им выступить. Однажды у нас дома готовили обед, и оказалось, что нет помидоров. А у наших соседей-итальянцев помидоров была куча. Мама попросила у них немного, но ей отказали, и это меня доконало. На следующий день я принялся копать туннель из нашего сада в их сад. Чтобы быстрее закончить дело, я позвал ребят из нашей компании с лопатами и фонарями. Работа была тяжелой, но мы в полной секретности прокопали ход под забором и совершили набег на их сад, скрывшись с двумя корзинами помидоров. Одну из них я вручил матери, и она ухмыльнулась. Мы решили подождать, что же будет дальше. А дальше было вот что. Вскоре

у нашей двери возникли двое полицейских, и они тоже ухмылялись. Один из них просто стоял, покачиваясь на пятках. Таким оказалось мое первое столкновение с законом. Скандал запомнился надолго, хотя одну корзину мы вернули. Но я был счастлив, ведь вторая корзина осталась у меня и была надежно спрятана.

Не знаю, был ли я эксцентричным или еще каким, но точно — упертым. Меня отправили в одну из тех штайнеровских школ*, где все подчинялось идее самовыражения. Помню, там была противная маленькая девочка, которая не хотела делиться самокатом. В соответствии с философией школы я решил выразить себя без всякого стеснения и стукнул ее молотком по голове. Конечно, начался ужасный шум, и меня выгнали из школы, хотя с девочкой все было в порядке.

Мы продолжали постоянно переезжать с места на место. В двух сотнях километров от Брисбена находится город Лисмор, оставшийся в моей памяти благодаря школьным годам. Лисмор был, можно сказать, центром австралийской контркультуры, и позднее он стал настоящей Меккой для пеших туристов: туда могли приехать и устроиться на ночлег люди, ведущие альтернативный образ жизни. В окрестностях Нимбина в 1973 году состоялся второй фестиваль «Аквариус» — австралийский Вудсток, и после него многие остались в тех местах и организовали разные кооперативы. Родители, например, держали кукольный театр. Однако со временем началось яростное сопротивление корпоративному движению, складывалось впечатление, что кооператоры не успевают отражать удары. Крупная компания Norco угрожала самому существованию молочного животноводства, полностью находившегося в руках фермеров. Австралийский тропический лес, когда-то известный как «Большой скрэб», был полностью зачищен, остался лишь огромный шрам на земле. Все эти события волновали моих близких, а вслед

* Штайнеровская, или вальдорфская, система образования (основатель Рудольф Штайнер) предполагает, что каждый ребенок развивается и учится в своем собственном темпе. Процесс обучения подчинен основной идее: развитию фантазии детей и их духовному росту.

за ними и меня. Я учился в школе местной деревни Гулмангар. Мне нравились ее жители, особенно мужчины, способные постоять за себя, — именно в таком духе меня воспитывал замечательный учитель мистер Кинг. По моему мнению, даже в те далекие годы многие учителя выглядели какими-то чопорными, а учителя-мужчины — женоподобными. Кинг был сильным парнем в полном смысле этого слова; он пользовался большим авторитетом, поэтому с ним я чувствовал себя в безопасности. Думаю, мой характер во многом определяется тем, что можно назвать врожденным темпераментом, но жизненный опыт тоже играет свою роль, и я продолжаю цепляться за мысль о мужской компетентности, которую воплощал для меня этот прекрасный учитель. Хотя в целом я воспринимал школу как царство скуки и серости. Я никогда не считался блестящим учеником, но всегда жаждал знаний и нуждался в аргументации, а образовательная система ворочалась слишком неповоротливо. Помню, как молил Бога, чтобы все делалось быстрее: «Не очень верю, что Ты есть, но, если это так, я отдам Тебе два мизинца, лишь бы уроки проходили поскорее».

Еще я увлекался выдумыванием всяких баек — той формой детского фольклора, которая для маленьких одновременно служит и источником информации, и средством выражения их взглядов на окружающий мир, и носителем жизненной мудрости. Наверное, мифотворчество мне неплохо удавалось, потому что мои сомнительные, хоть и правдоподобные, басни волшебным образом влияли на сверстников. Мне нравилось рассказывать им истории о собственных открытиях; например, одно время я довольно убедительно поддерживал миф, что грязь — лучшее средство от кровотечения. Прежде взрослые представлялись мне богами, спустившимися на землю, а моя мать — высшим божеством, но постепенно открывалось, что и им свойственно ошибаться. Именно с такого и начинается осознание реальной жизни: когда ты видишь, как серьезные люди, занимающие ответственные посты и обладающие влиянием, вовсе не обязательно всегда совершают правильные поступки. Это важный урок. Я отмечал у них неспособность

к состраданию, а иногда и проявления жестокости. В те годы Австралия — еще до Интернета и дешевых авиабилетов — оставалась довольно провинциальной страной, сказать хотя бы, что тогда в наших школах за проступки наказывали тростью. Я учился во множестве школ и в каждой старался завоевать нужное место в сложившемся порядке подчинения. Вместе с тем я всегда пытался искоренять иерархические проявления: жестокость, несправедливость, предрассудки — все они вылезали наружу. Из-за этого я иногда выглядел закоренелым нарушителем, а таким ребятам было трудно в тогдашней сельской Австралии. В одной из школ меня притащили в директорский кабинет и отлупили тростью за какой-то таинственный «проступок». Потом оказалось, что в школе произошла кража и мои одноклассники повесили ее на меня.

Меня все время тянуло к книгам. Книгам и магнитам. Мой дед помнит, как я приходил в летнюю школу с сумкой, набитой книгами, среди которых лежала толстенная биография Альберта Эйнштейна. Из-за подобной склонности меня вполне можно было бы возненавидеть, но что делать с привычкой размышлять? Она или есть, или ее нет. Для меня с детства два мира: внешний материальный и внутренний умственный — сливались в одно волшебное целое, и я погружался то в один, то другой. Могу сказать, это придавало определенную окраску всему, что я с тех пор делал. Всему. Тяге к компьютерам, стремлению к справедливости, представлениям о природе власти. Именно тогда, в Гулмангаре, я почувствовал, как моя индивидуальность рвется наружу.

В моем детстве происходило немало событий, чья нравственная составляющая влияла на мой личностный рост. Однажды мои родители взялись разыграть уличное действо специально для антивоенного марша. Мама сделала из пенопласта автоматическую винтовку M16, выкрасила ее в черный цвет и приделала плечевой ремень. Отчим достал на распродаже солдатскую форму и надел ее. Мы отправились в лавку мясника, где купили литр крови. Хорошо помню, как странно на нас там смотрели. Мы вылили кровь на отчима, а позже, в тот же день, его арестовали — за фальшивый

автомат. Еще один случай: мать помогала парню, участвовавшему в несанкционированных исследованиях на месте ядерных испытаний. На полигоне в пустыне Маралинга с 1952 по 1963 год с согласия правительства Австралии британцы проводили «крупные» и «мелкие» испытания ядерного оружия. «Мелкие» испытания — в ходе которых ядерные бомбы поджигали или взрывали вместе с обычной взрывчаткой либо помещали на самолеты, которые затем обрушивали на землю, — на самом деле были гораздо опаснее, чем официально признавалось, поскольку радиоактивное заражение охватывало большие территории. Однако и британское, и австралийское правительства отрицали какой-либо ущерб, причиненный солдатам и аборигенам. То, что это ложь, признали лишь много лет спустя. Так вот, приятель мамы пытался докопаться до правды, и однажды около двух часов ночи — мы только выбрались из той пустыни — мама везла нас по шоссе, и, когда парень заметил, что за нами следят, она быстро высадила его. А чуть позже нас с мамой остановила федеральная полиция; полисмен заявил ей, что она плохо выполняет родительские обязанности — едет куда-то с ребенком в два часа ночи. Еще он посоветовал ей не соваться в политику. Она так и сделала. А я нет.

Школа создавала много проблем. Даже научивший меня массе нужных вещей мистер Кинг — эталон мужской силы, образец для подражания — не мог компенсировать то томительное чувство бесполезности, которое я испытывал в связи с необходимостью ходить в школу. Возможно, я просто рожден с ненавистью к системе, а учеба была ее частью. Я начал носить длинные волосы, что запрещалось школьными правилами. Как ни странно, меня всегда высмеивали или осуждали за мои волосы, и началось это еще в детстве. Родители советовали состричь мою белокурую копну, просто из соображений не связываться с учителями; но я во все не собирался отказываться от того чувства восторга, которое давало мне открытое неповиновение. Вскоре мне пришлось в голову больше не завязывать шнурки обычным образом. Я придумал изощренный стиль: обвязывал шнурки вокруг лодыжки и затем

затягивал их узлом, а не петлей — и стал обучать этому других детей. Потом я решил совсем расстаться с ботинками, что учителя сочли преступным деянием. Поскольку ни в одной школе я по долгу не задерживался, то в любой из них я считался новичком. И подобными актами неповиновения я заявлял о себе. У нас дома не было телевизора. Практически не водились деньги. Иногда мы ходили на рынок и за кочан капусты убирали мусор. Но я чувствовал себя счастливым: это придавало колорит унылой действительности и помогало найти собственный жизненный путь. Лишь однажды, будучи подростком, я серьезно задумался над вопросами престижа: мне не захотелось, чтобы мама подвозила меня к школе в нашей дешевенькой раздолбанной машине. То было какое-то временное помутнение рассудка, и долго оно не длилось.

К животным мы питали особо теплые чувства. Люди в основном относились к нам пренебрежительно: ну хиппи, что с них взять; а мы лишь любили природу и жили как истинные нонконформисты. Одно время родители держали кур ради яиц и трех коз ради молока. Еще у нас был внушительный бродячий зверинец, и нашему любимому псу Поссу приходилось все время соперничать за наше внимание с осликом, пони и компанией мышей. Все они участвовали в театральных сценках, которые ставила моя мать и которые шли при свете свечей. В коттедже на ананасовой ферме, где мы однажды жили, в нашу жизнь вторглись опоссумы. Как-то с нами жила большая серая птица, австралийский журавль. Мне всегда казалось, будто мы ищем спасения от современной жизни. Теперь я понимаю, что тогда был глубоко погружен в попытки создать некую разумную систему, объясняющую связи между людьми и вещами. Я начал ее понимать только много лет спустя, когда взялся изучать квантовую механику; но тогда, в детстве, я лишь цеплялся за доступный мне мир, мир моих родителей, а одно время с радостью содержал собственный пчелиный улей.

Когда мне исполнилось девять лет, мать и отчим расстались. В то время это не показалось чем-то ужасным, но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что тогда закончился мой личный рай.

Как я уже говорил, в детские годы самым ценным для меня было какое-то томсойеровское ощущение прекрасного мира, полного приключений и открытий. События, последовавшие за расставанием родителей, были уже скорее мрачными. Многим из нас безопасная обстановка раннего детства видится в светлом сиянии, и я, несмотря на переезды, перемены жилья, смену школ и отвращение к учебе, прожил те годы в состоянии естественного восторга. Мир был свежим, океан — чистым, воздух — пропитан эвкалиптовым ароматом. Но человеческая натура, конечно, не ограничивалась рамками своего физического существования, и жизнь не была бы жизнью, если была бы лишена мрачных сторон. У Бретта копились собственные проблемы, и в конце концов мать уже не смогла с ним жить дальше, так что мы переехали в квартиру над магазином в Лисморе, которую разделяли с «Театром кочевников». Мама часто зарабатывала деньги, рисуя портреты людей на рынках, а позже я и мой младший сводный брат стали болтаться рядом с ней. Я брал губную гармошку и наигрывал свой ребячий блюз.

Мы с матерью старались жить достойно, но впереди нас ждала жизнь, полная скитаний и тревог; нам снова предстояло плыть по течению, вниз по Миссисипи *. За время наших австралийских странствий нам многое пришлось испытать, хотя и до того мы повидали немало. В течение пяти лет мы чувствовали себя беглецами, и, полагаю, те годы, как и счастливые предшествующие, сформировали того человека, каким я стал в будущем. Бретт каждодневно наполнял нашу жизнь солнцем, искусством, музыкой и природой; его богатый опыт в театральных постановках бродячей труппы, когда он за считанные минуты мог развернуть и свернуть подмости, — все это послужило отличной подготовкой для WikiLeaks. Далее, когда на сцене появится человек по имени Лейф Мейнелл, я расскажу, что значит подвергаться преследованию темных сил. Он станет моим первым «хвостом».

* Аллюзия на песню Down The Mississippi Line (1970) британской рок-группы Christie.